UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал
Издается ежемесячно с декабря 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universe: общественные науки

Выпуск: 11-12(51)

Декабрь 2018

Москва
2018

УДК 1/14+32+93/94
ББК 63+66+87
U55

Главный редактор:

Блейх Надежда Оскаровна, д-р ист. наук, канд. пед. наук;

Члены редакционной коллегии:

Вигель Нарине Липаритовна, д-р филос. наук;

Гриценко Галина Дмитриевна, д-р филос. наук;

Гужавина Татьяна Анатольевна, канд. филос. наук;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Карпенко Татьяна Михайловна, канд. филос. наук;

Купченко Константин Владимирович, канд. ист. наук;

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Попова Ирина Викторовна, д-р социол. наук;

Соловенко Игорь Сергеевич, д-р ист. наук;

Сопов Александр Валентинович, д-р ист. наук;

Сорокин Александр Николаевич, канд. ист. наук;

Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук.

U55 Universum: общественные науки: научный журнал. – № 11-12(51). М.,
Изд. «МЦНО», 2018. – 16 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/social/archive/category/12-52>

ISSN (печ.версии): 2500-1264

ISSN (эл.версии): 2311-5327

DOI: 10.32743/UniSoc.2018.51.11-12

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 63+66+87

© ООО «МЦНО», 2018 г.

Содержание	
Исторические науки и археология	4
Отечественная история	4
К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (XVIII – XIX ВВ.)	4
Блейх Надежда Оскаровна	
ФЕНОМЕН «ВОЗВРАЩЕНЧЕСТВА» В СССР ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ В 1920-1930-Е ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ	7
Петров Иван Васильевич	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	10
Тангирбергенова Каллигул	
Философские науки	13
История философии	13
ВВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЛИЗМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ	13
Эзри Григорий Константинович	

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (XVIII – XIX ВВ.)*Блейх Надежда Оскаровна**д-р ист. наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета
имени Коста Левановича Хетагурова,**РФ, г. Владикавказ**E-mail: nadezhda-blejikh@mail.ru*ON THE ISSUE OF NATIONAL EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS
(XVIII-XIX CENTURIES)*Nadegda O. Bleich**doctor of historical Sciences, Professor of North Ossetian state University
University named after Costa Levonovich Khetagurov,**Russia, Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

В данной статье поднимается вопрос о генезисе российской просветительской политики второй половины XVIII – первой половины XIX столетий, раскрывается её роль в развитии национальной школы и мировоззренческих тенденций северокавказских народов, делаются выводы о том, что зарождение и последующее становление просветительской мысли в регионе происходит совместно с развитием национального образования.

ABSTRACT

This article raises the question of the Genesis of the Russian educational policy of the second half of the XVIII – the first half of the XIX centuries, reveals its role in the development of the national school and worldview trends of the North Caucasian peoples, concludes that the origin and subsequent formation of educational thought in the region occurs together with the development of national education.

Ключевые слова: Северо-Кавказский регион, просветительство, национальное образование

Keywords: North Caucasus region, education, national education.

Научное освоение Северокавказского края началось со второй половины XVIII века благодаря его вхождению в Российскую империю, которая стала реформировать все сферы жизнедеятельности горского населения. Особое внимание при этом власти обращали на развитие культуры последних. В этом непростом деле они опирались на лучшие умы российской интеллигенции в лице российских ученых: П. Г. Буткова, Н. И. Пирогова, Ф. И. Гене, С. В. Новицкого, ссыльных декабристов - В. С. Толстого, А. А. Бестужева-Марлинского, П. А. Муханова, Н. Н. Муравьева и др.; писателей-классиков В. Т. Нарезного, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина и мн. др., видевших в горцах не «дикие племена», а вполне адекватных людей, имеющих свою высокоразвитую культуру. Со временем россияне стали оказывать все более сильное влияние на культурное развитие аборигенных народов Северного Кавказа, на становление их общественного, просветительского и педагогического мировоззрения как путем визуальных коммуникаций,

так и посредством различной периодической печати [1, с. 11-17].

Просвещение стало одним из средств политического воздействия в Северокавказском регионе со дня своего основания. Контакты горских этносов с деятелями передовой российской мысли стали благоприятствовать усилению интереса только что появившейся горской интеллигенции к изучению культуры и быта своих народов. Российские деятели науки всячески помогали пионерам горского просветительства встать на путь популяризации знаний и образования, которое нуждалось, прежде всего, в основании своей письменности. И она вскоре появилась благодаря трудам осетин П. Генцаурова, И. Ялгузидзе, Г. Токаева, кабардинцам – Н. Ногмову, К. Атажукину, С. Хан-Гирею, чеченцу У. Берсею, шапсугу М. Шапсугову, лезгину Г. Алкадарскому, дагестанцу Кази-Беку и др. Многие из них работали совместно с деятелями российской науки И. Чепиговским, А. Шегреном, П. Усларом и др. Возникновение

кавказских алфавитов дало толчок становлению школьного дела в крае и во многом упростило обучение горцев [6, с. 289-294].

Однако говорить, что до вхождения в империю образования на Северном Кавказе не было в корне неверно. В крае (особенно в его мусульманских районах) существовала своя система образования, состоящая из трех звеньев: низшего (коранической школы), среднего (мектебе) и высшего (медресе). Все звенья этой цепи имели своей целью дать элементарное образование, основанное на изучении Корана и хадисов. Мектебе и медресе существовали при мечетях и учителями в них работали муллы и кадии. Обучение строилось на арабской методике преподавания. Поэтому так нужны были алфавиты, написанные самими горцами.

В противовес существовавшей мусульманской системе образования российское правительство создает новую просветительскую модель, хотя на начальных этапах становления школьного дела оно также вводит конфессиональное, только православное образование [5, с. 96-108].

Первыми шагами по становлению упорядоченной системы образования явилось принятие народами края российской государственности. Однако первые годы имперского управления были непростыми: освоение региона, зачастую было связано с применением военной силы. В этих условиях перед правительством еще не стояла масштабная задача просвещения горских народов, однако изучение источников подтверждает, что, не смотря на все имеющиеся перипетии переживаемого времени, базис образования среди горцев-мусульман закладывался именно в эту драматичную пору. Еще со времени своего присутствия на Кавказе (вторая половина XVIII века) российские чиновники стали учреждать духовные училища, которые готовили церковный клир для горских народов. Однако с началом следующего столетия в крае помимо церковных учебных заведений стали появляться и другие виды школ – аманатские школы, школы военных воспитанников. У юных горцев, обучающихся в казенных военных заведениях, имелась возможность и дальше продолжить образование. Самые способные из них направлялись в центральные русские города и могли позднее служить на благо «Отечеству, Царю и Престолу». Известны имена Жанбулатовых, Анзоровых, Бекмурзиных, Ахриевых. Также отметим заслуги Асланбека Туганова – первого осетинского генерала, считавшегося при жизни патриархом военной интеллигенции, бывшего командиром собственного Е.И.В. Конвоя.

Когда ситуация в регионе изменилась и империя перешла к выстраиванию добрососедских отношений с горскими этносами мирными средствами, то отпала надобность в аманатских школах и интернатах военных воспитанников. Их заменили правительственные горские школы начального порядка, которые содержались за счет государственного казначейства. Инициатором их открытия был ген.-адъют. князь А.И.Барятинский. Первой горской школой стала учрежденная в 1851 году Кабардинская

школа (г. Нальчик). Эта Кабардинская школа проработала около 10 лет и всеми силами и имеющимися у нее средствами содействовала формированию национальной интеллигенции. Ее окончили С.-Б.Абаев, К.Атажукин, К.Ахлов, И.Кармов, Т.Кашежев, В.Кудашев, Т.Шеретлоков и др.

В 1859 году была открыта школа в Вольно-Христиановском ауле (Северная Осетия). В связи с этим интересно, что в этой школе наравне с православными обучались и мусульманские ребята. История донесла их имена: Казбеков Илларион, Гатуев Фома и Гарданов Соломон (Царай), ставшие впоследствии известными писателями и этнографами.

Через несколько лет (8 ноября 1863 года) учреждается Чеченская горская школа (г. Грозный), в которой также обучались дети разных национальностей и различных вероисповеданий (русские, чеченцы, грузины, армяне, евреи). В Грозненской школе функционировала токарно-столярная мастерская, содержащаяся на доходы от продаж ученических изделий, детей обучали мастерству садоводства, овощеводства.

Первой светской школой в Дагестане стало Дербентское трехклассное городское училище, открытое в 1867 году. Не смотря на имеющееся 35 мест, оно было едва заполнено наполовину. Причины такой непопулярности крылись в критике мусульманским духовенством светского образования, и материальной небезопасности горцев.

Стремилась дать знания детям и жители Ингушетии. 22 декабря 1870 года в Назрани открылась начальная горская школа...». Она содержалась на средства населения, однако учебных мест в ней тоже не хватало. При школе было создано два отделения – пчеловодческое и столярно-токарная мастерская. Для развития профессионального дела школа нашла возможность отчислять по 125 рублей в казну.

Позже других мусульманских областей Северного Кавказа государственные учебные заведения появляются в Карачаево-Черкесии. Такой школой стало Учкуланское училище, появившееся в 1878 году. Сначала обучение в нем было рассчитано на три года, в 1878 году его преобразовали в двухклассное. В них совместно обучались дети русских военных и горских владетелей. Целью таких учебных заведений было доставить возможность молодым людям кавказских национальностей приобрести начальное образование. При этом такое элементарное обучение действует только в областях обитания христиан (Северная Осетия, Краснодарский и Ставропольский края) [3, с. 296].

В местах проживания мусульман российская администрация осторожно, с некоторой опаской относится к имеющемуся там классическому арабскому образованию, однако, не закрывая мечети – главный его оплот и даже способствуя появлению новых конфессиональных учебных заведений. Поэтому в данный период времени сеть конфессиональных школ продолжила свой рост, перегоняя по численности новые учебные заведения светского характера. Так, в 1836 году учреждается Владикавказское духовное училище, в следующем году – Дербентское городское училище и Ставропольская гимназия. В 1842 году появляются Петровское и Низовское училища, в

1843 году возникает Нальчикская школа, через несколько лет (в 1849 году) появляется Дербентское мусульманское училище, а в 1855 – Темир-Хан-Шуриновское училище. Кроме того, по всему Кавказу учреждаются духовные школы (христианского и мусульманского направлений), рассчитанные давать детям элементарные знания [2, с. 03-07].

Но все же вопреки проводимым правительственным мерам по открытию светских учебных заведений, последних в регионе по-прежнему катастрофически не хватало. Поэтому, не дожидаясь вмешательства властей, сельские сходы сами решали вопрос об учреждении школ. Одной из первых сельских школ в Чечне стала двухклассная Тембулат-Юртовская (отселок села Дуба-Юрт) школа. Её основателем был Шугаип Алиев. В 1861 году в дагестанском селе Ахты была открыта светская школа. В 1870 году горцы Ичкеринского округа общественным мнением постановили об учреждении горской школы с целью обучения своих детей русской грамматике, арабскому языку и арифметике.

В 1883 году известный просветитель Дагестана Гасан-эфенди ибн Абдуллах аль-Алкадари (лезг. Гьасан-эфенди Абдулагъан Алкъвадари) основал в родном ауле Балахани светскую школу и сам стал в ней преподавать. Начальные школы стали открываться и в других аулах: Старый Юрт (1865), Ведено (1867), Большой Чечен (1869). 1870 год принес появление школ начального порядка в аулах: Брагуны, Новый Юрт, Али-Юрт, Кень-Юрт и др. В 90-е годы XIX в. открывались народные училища и в аулах Мансуровском (Карачай), Дударуковском, Бибердовском (Черкеск) и др.

Однако все предпринимаемые правительством и частными лицами меры по охвату горского населения обучением не могли решить проблемы образования, что явно видно из отчета начальника Терской области за 1890 год, в котором тот отмечает, что в области насчитывается 137 учебных заведений. 135 (в том числе 3 горских школы) подчиняются ведомству Министерства народного просвещения, хотя и в них процент обучаемости детей-мусульман был небольшим: русских составляло 807 (70,5 %), горцев – 101 (7,2 %), армян – 92 (3,0 %), грузин – 45 (2,2 %), татар – 23 (1,1 %), других – 99 (12,6 %).

Как видим, не смотря на такую довольно широкую сеть учебных заведений, их в крае катастрофически не хватало. В результате к началу проведения реформ в 60-е годы духовных школ здесь насчитывалось всего 13. А уездных училищ было только 4 (вместе с частными училищами их численность составляла 45) [4, с. 217]. Особую тревогу вызывала малочисленность светских школ. В некоторых районах Северокавказского края, например, в Карачаево-Черкессии, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период вообще не существовало школ светского направления.

К тому же методика преподавания в школах, учреждаемых Министерством народного просвещения, оставляла желать лучшего. Она сводилась к усиленному изучению русского языка зачастую в ущерб обучению родным языкам, что говорило о недооценке российскими чиновниками местных этнических особенностей, к тому же была платной, что преграждало детям неимущих родителей путь к обучению. Однако утверждать, что она была тупиковой и не приводила ни к каким положительным результатам, было бы неверно. Школьная политика Российской империи создавала в регионе объективные предпосылки, которые способствовали появлению национальных школ светского направления, пропагандирующих русскую культуру и российскую гражданственность [7, с. 405]. Вследствие всех этих позитивных перемен в жизни народных школ для горцев открылся путь в российские учебные заведения и стала появляться местная диаспора образованных людей – культуртрегеров, деятелей науки и культуры. Среди них наиболее известны имена черкесов Хан-Гирея, У. Берсея, кабардинцев Дж. Казаного, И. Атажукина, осетин В. Цораева, А. Колиева, дагестанцев Г. Алкадарского, Казем-Бека, ингуша: У. Лаудаева; чеченца: З. Захарова и других, деятельность которых проходила под непосредственным протекторатом российской культуры и влиянием передовых русских писателей и ученых, которые ратовали за правдивое освещение жизни горцев, призывали к скорейшему освоению этого «богатейшего и увлекательного края», но не военной экспансией, а посредством просвещения его народов.

Список литературы:

1. Блейх Н.О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. - Москва, 2017. - Т. 1. - 321 с.
2. Блейх Н.О. Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории // Психология. Социология. Педагогика. - 2015. - № 2(45). - С. 03-07.
3. Блейх Н.О. Некоторые аспекты геополитического и социокультурного развития Северного Кавказа в новое время // Бизнес. Образование. Право. - 2016. - № 4(37). - С. 296-298.
4. Блейх Н.О. Роль просветительских организаций в развитии школьного образования на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века // Бизнес. Образование. Право. - 2014. - № 1. - С. 217-219.
5. Блейх Н.О., Дзанагова Л.В. Специфика просветительских тенденций у народов Северного Кавказа во второй половине XVIII - начале XIX века // Диалог со временем. - 2018. - № 62. - С. 96-108.
6. Bleich N.O. The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // Былые годы. Российский исторический журнал. - 2015. - № 36(2). - С. 289-294
7. Bleikh N.O. The Influence of Russian innovator teachers on the Development of Mountain dwellers (XIX century) // Былые годы. Российский исторический журнал. - 2014. - № 33(3). - С. 405-409.

**ФЕНОМЕН «ВОЗВРАЩЕНЧЕСТВА» В СССР ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ
В 1920-1930-Е ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ****Петров Иван Васильевич***канд. ист. наук, ассистент, Институт истории СПбГУ,
РФ, Санкт-Петербург**E-mail: ivanpet1990@hotmail.com***THE PHENOMENON OF THE “RETURN” IN THE USSR EMIGRANTS
OF THE FIRST WAVE IN 1920-1930: THE HISTORIOGRAPHIC ASPECT OF THE PROBLEM****Ivan Petrov***Candidate of History, Assistant of Department of Contemporary Russian History
Institute of History, Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg*

Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ для фундаментальных научных проектов, проводимых молодыми учеными № 18-39-00033 «Феномен возвращенчества первой волны русской эмиграции в Советский Союз: просопографический анализ проблемы. 1920-1930-е гг.».

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме изучения современными российскими историками репатриации эмигрантов первой волны в советскую Россию в 1920-1930-е гг. Автор определяет основные периоды складывания историографической традиции и проблемы, которые до сих пор не решены исследователями.

ABSTRACT

The paper deals with the problem of studying problems of emigrant's repatriation to Soviet Russia in 1920-1930th by modern Russian historians. The author identifies the main periods of folding historiographic tradition and problems that have not yet been resolved before the researchers.

Ключевые слова: репатриация, историография, эмиграция.**Keywords:** repatriation, historiography, emigration.

Репатриация, процесс возвращения на историческую родину лиц, ранее по политико-идеологическим причинам покинувших ее пределы, представляет собой сложный и не до конца оцененный процесс истории разных мировых держав, переживших крупнейшие социальные потрясения. Великобритания, Франция, Испания, Италия, Германия – практически все ведущие страны мира проходили за свою историю подобные сложные исторические эпохи и их последствия в некоторых странах видны по сей день. Не прошел данный феномен и мимо России, испытавшей крупнейшую в своей истории катастрофу – революцию 1917 г., повлекшую за собой крушение Российской империи и массовые «волны» эмиграции.

Одним из самых малоизвестных аспектов истории российской эмиграции первой волны, как не странно, стал вопрос о причинах и количестве вернувшихся русских изгнанников в 1920-1930-е гг. на территорию Советского союза. Так, если о военной истории русской эмиграции, ее духовной жизни, культурном вкладе в европейское наследие мы знаем довольно много, то вопрос репатриации всегда оставался в тени исследовательского интереса. Конечно,

объективную причину этого можно найти в том, что эту проблему оттеняли аспекты насильственной репатриации в СССР после Второй мировой войны, похищения людей советскими спецслужбами, деятельности советских патриотов в военное и послевоенное время. Однако факт остается фактом: о феномене «возвращенчества» писали довольно мало, как будто специально обходя эту интересную и несправедливо забытую тему.

Так, в сборнике материалов, посвященных вопросам репатриации и эмиграции в XX столетии, выпущенном В.А. Ионцевым, И.М. Лебедевой, А.В. Окороковым и М.В. Назаровым в 2001 г. при поддержке Попечительства о нуждах российских репатриантов совсем немного места уделено проблемам репатриации в 1920-1930-е гг. Интересно отметить, что авторы делят репатриацию в 1917-1925 гг. на две большие составные части [6 с.374]. К первой они относят возвращение около трех сотен человек, преимущественно творческих профессий, писателей, поэтов, художников, выделяя особенно М. Горького, А. Толстого, М. Цветаеву, А. Куприна, А. Вертинского, И. Кондакова и др. Ко второй группе они отно-

сят «военнослужащих-крестьян и служащих среднего звена». По мнению составителей коллективной монографии эта достаточно весомая в количественном плане категория эмигрантов общим количеством в 32 тысячи человек оказалось вне России случайно и, осознав все тяготы жизни за рубежом, вернулась.

В другой части этой же коллективной монографии представлено авторское рассуждение не только об истории репатриации, но и о некоей ее «психологии». Справедливо отмечается, что еще сам Петр Николаевич Врангель принимал во внимание возможность возвращения в советскую Россию гражданских лиц [6, с.209]. Настроения же самих эмигрантов в вопросе возвращения на Родину также очень быстро менялись: с ноября по декабрь 1920 г. многие из них перешли от полного отрицания идеи возвращения к стихийному воссоединению с Россией. Бок о бок с изменением этой палитры настроений шел и аспект пагубной пропагандистской деятельности пробольшевицких сил, суливших изгнанникам прощение. Первые же отплывшие обратно в Россию теплоходы, такие как «Рашидпаша», получили названия «красные перевозчики», так как их пассажиров на берег ждали аресты, заключения и расстрелы.

Изменялась и динамика репатриации: если за один только 1921 г. в страну вернулось более 121 тысячи человек, то за следующие десять лет только 181 000 [6, с.210]. Все больше при решении вопроса об отправке в рискованное путешествие в Россию для возвращенцев на первый план выходили вопросы патриотизма, тоски по Родине, а также принятия неотвратимости большевистских преобразований. Для небольшой группы репатриантов новые условия стали вполне приемлемыми. Наиболее показательный пример – Алексей Толстой, знаменитый «красный граф».

Однако на все вопросы, связанные с проблемой репатриации эмигрантов I волны, данная коллективная монография не ответила, лишь обнажив имеющиеся историографические лакуны. Определенная надежда на то, что тема возвращенчества в 1920-1930-е гг. получит объективную и независимую оценку появилась в последнее время с появлением таких масштабных конференций, посвященных российской эмиграции как Нансеновские чтения, Головинские чтения, организованные историко-культурным и мемориально-просветительским центром «Белое дело» и др. Но и в докладах участников этих конференций тема репатриации так и не стала магистральной. Отдельно тема репатриаций была затронута, пожалуй, на одной из конференций – «Слепухинских чтениях», посвященных жизни и творчеству Ю.Г. Слепухина, всемирно известного писателя, в период вынужденной эмиграции члена НТС, а впоследствии репатрианта.

Отличается от остальных статей вышеупомянутого сборника своим тематическим разнообразием и погруженностью в тему работа доктора исторических наук З. С. Бочаровой, посвященная отражению дискуссий о возможности репатриации в СССР на страницах эмигрантской печати 1920-х гг. Исследовательница начала изучение вопросов возвращения в

советскую Россию эмигрантов еще на заре 1990-х гг., подготовила серию статей по вопросам влияния программ политических партий России, перенесших свою деятельность за пределы родины, на позицию по вопросу репатриации, начала подсчет тех эмигрантов, которые еще в 1920-е гг. решили вернуться под власть большевиков. Наконец, в 1994 г. Зоя Сергеевна с успехом защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Движение за возвращение на Родину в российской эмиграции (1920-е гг.)». [3]. Исследовательница поставила перед собой задачу показать репатриационную политику советского правительства, впервые на территории России без идеологических штампов разобраться в феноменах евразийства и сменовеховства, определить отношение к «возвращенчеству» политических партий русской эмиграции, наконец, раскрыть особенности дискуссий по вопросу о возвращении в Россию на страницах эмигрантской печати. З.С. Бочарова при написании диссертации использовала материалы ГАРФа, Архива внешней политики РФ, фонда рукописей Российской государственной библиотеки, массив советской и эмигрантской периодики. Историк внимательнейшим образом проследила особенности международно-правовых норм, регулировавших проблемы репатриации, выявила отношение к возвращению русских на Родину ведущих европейских держав и международных организаций, ответила на вопрос о сущности большевистской репатриационной политики и о влиянии на нее амнистий 1921 и 1924 гг., необходимости молодого советского государства в «буржуазных» кадрах. Наконец, исследован был и спектр отношения к репатриации эмигрантов разных политических предпочтений: от социалистов до крайне правых. Основными побудительными мотивами к репатриации Бочарова определила следующие: тяжелое материальное и социальное положение, стремление внести свой вклад в развитие новой России, возвращение на Родину с целью служения ей вопреки установившемуся государственному строю [2, с.25.].

В вышеупомянутой статье автора в сборнике «Слепухинских чтений» Бочарова рассуждает об особенностях мировой практики репатриации, размышляет об извечном «чемоданном» настроении самой русской эмиграции, ищет предпосылки к возвращению изгнанников на родину. Одной из таких причин автор определяет деятельность просоветских газет, которые постепенно начали ориентировать эмигрантов на принятие новой большевистской системы. «Первой ласточкой» в плеяде подобного рода изданий стала издаваемая в финляндской столице газета «Путь», которая в буквальном смысле слова «взорвала» эмигрантское сообщество и очень быстро настроила против себя абсолютное большинство редакторов эмигрантской периодики [4, с.300].

В этой же статье широко представлены и прошедшие в эмигрантской среде дебаты вокруг статей А.В. Пешехонова, главной мыслью которой была критика идеи об исключительной миссии русской эмиграции первой волны. У части левых и даже ли-

беральных эмигрантов постепенно стали доминировать идеи о невозможности полного отрицания большевистского опыта и о неконструктивности, как они считали, «огульной критики» новых властей. Однако и в этом лагере постепенно появились общественные и политические деятели, публицисты, не представляющие для себя возможным принять новую власть (дискуссия в левом и либеральном лагере эмиграции занимает добрую половину статьи З.С. Бочаровой). Заканчивается статья воспроизведением еще одной крайне любопытной дискуссии – спора между Иваном Ильиным и Иваном Шмелевым о статье первого «О признании советской власти. (Правила и советы).» [4, с.314].

Более сжато эта же дискуссия вокруг книги Пешехонова «Почему я не эмигрировал?» и серии статей «Родина и эмиграция» представлена в статье Е.И. Беловой все в том же сборнике по истории репатриации [1, 315-331]. Помимо позиции Пешехонова данный автор проводит анализ мнений других видных эмигрантов-либералов и представителей левого лагеря: А.Ф. Изюмова, В.А. Мякотина, П.Н. Милюкова, Е.Д. Кусковой, М.А. Осоргина и др. Приводит Елена Ивановна также доводы и противоположной Пешехонову стороны, в первую очередь апеллируя к авторитету Петра Струве и его газеты «Возрождение». Интересно и свидетельство Федора Степуна о том, что оба полюса данной дискуссии, и Струве, и Пешехонов, в полемике объединялись в одном – безоговорочном патриотизме, который, конечно, оба понимали по-разному [1, с.328].

Довольно примечательна также статья об особенностях репатриации из Китая в 1920-х гг. Е.Н. Наземцевой под заглавием «Репатриация русских из Китая в 1920-е гг. от международных проблем к проблемам межведомственным» [5, с.332-347]. Основной фокус авторского рассмотрения заключается в оценке расстановки политических сил на территории Китая,

установлению дипломатических отношений большевистской России с китайскими властями, а также описанию позиции Советского союза в процессе урегулирования правового статуса русской эмиграции. Особенно подробно Наземцева рассмотрела проблему стоявшей перед русской эмиграцией в Китае дилеммы принятия советского или китайского гражданства. При подготовке данного материала Елена Николаевна активно использовала материала Архива внешней политики Российской Федерации.

К великому сожалению, и в сборнике «Эмигранты и репатрианты XX века», выпущенном после проведения «Слепухинских чтений» в 2014 г., больше не содержится статей посвященных проблеме «возвращения» эмигрантов в СССР в 1920-1930-е гг.

В связи с данным историографическим обзором можно выделить четыре основные проблемы, стоящие перед современными исследователями проблемы «возвращенчества» представителей первой волны эмиграции. Первая заключается в том, что по сей день в исследованиях не представлен анализ социального, национального, конфессионального состава лиц, решивших изменить свое решение 1917-1921 гг. и вернуться в большевистскую Россию. Вторая проблема состоит в определении политической принадлежности первых возвращенцев, идеологических и моральных обоснований их поступка. Третья проблема: отсутствие, за редчайшим исключением, изучения судьбы вернувшихся, если только вопрос не касается наиболее известных людей (в первую очередь представителей творческой интеллигенции). Наконец, четвертая проблема: отсутствие изучения мер, принимаемых эмиграцией к противодействию данному процессу. Хочется верить, что и эти проблемы найдут в скором времени свое разрешение.

Список литературы:

1. Белова Е.И. А.В. Пешехонов и дискуссия о возвращении на родину в середине 1920-х гг. // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014: труды международной конференции. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. С.315-331.
2. Бочарова З.С. Движение за возвращение на Родину в российской эмиграции (1920-е гг.): Автореф. Дис.... к.и.н. М., 1994. 27 с.
3. Бочарова З.С. Движение за возвращение на Родину в российской эмиграции (1920-е гг.): Дис.... к.и.н. М., 1994. 206 с.
4. Бочарова З.С. Проблема репатриации на страницах эмигрантской печати // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014: труды международной конференции. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. С.296-314.
5. Наземцева Е.Н. Репатриация русских из Китая в 1920-е гг.: от международных проблем к проблемам межведомственным // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014: труды международной конференции. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. С.332-348.
6. Эмиграция и репатриация в России // сост. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедев, М.В. Назаров, А.В. Окороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Тангирбергенова Каллигул

*канд. ист. наук, доцент, Каракалпакский Государственный университет, Узбекистан,
Республика Каракалпакстан, г. Нукус
E-mail: kdlligul@mail.ru*

SOCIALLY ARE ECONOMIC RELATIONS IN KARAKALPAKSTAN IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Kalligul Tangirbergenova

*candidate of historical sciences, dotsent (Associate professor) of the Karakalpak State University,
Uzbekistan, Republic of Karakalpakstan, Nukus*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается, процесс развития хозяйственно - культурного торгового земледелия и специализация товарного производства народного хозяйства Каракалпакстана в конце XIX века для нужд промышленности царской России.

ABSTRACT

In the article examined, process of development of economic-cultural trade agriculture and specialization of commodity production of national economy of Karakalpakstan in the second half of XIX century for the need of industry of tsar's Russia

Ключевые слова: торговой, деспотической, сырьевой, товарной, административной, социальной, царской России.

Keywords: to trade, despotic, raw material, industry, commodity, agriculture administrative, social, economy, system tsar's Russia.

Во второй половине XIX века экономика Каракалпакии претерпела самые существенные изменения, и способствовало ускоренному росту товарно-денежных отношений и зарождению капиталистических укладов. Во второй половине XIX века в Каракалпакии стал активно проникать российский капитал. Основной сферой его приложения была добыча и переработка полезных ископаемых, богатством которых отличались недра края, а также промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья и торговли. Колониальное положение Каракалпакии привело к постепенному превращению ее в рынок сбыта промышленных товаров Центральной России и источник дешевого сырья. Стало развиваться торговое земледелие, появились предприятия капиталистического типа в пищевой и обрабатывающей промышленности, увеличилось число торговых заведений, выросли новые селения и города, стали прокладываться грунтовые дороги. Росту товарного производства способствовали также процессы постепенного оседания кочевников и перехода их к хлебопашеству. Развитие внутренней и внешней торговли в Амударьинском отделе стимулировало разложение патриархально-феодалных и проникновение капиталистических отношений. Об этом свидетельствует вовлечение в торговые отношения каракалпакских

хозяйств, появление ярмарочной, базарной и стационарной торговли, возникновение новых торговых центров, а также усиление торговых связей каракалпакцев с соседними районами Средней Азии, Казахстана и особенно с Россией. Все большее превращение Каракалпакии, как и всей Средней Азии, в сырьевую придаток Российской империи и постепенное вовлечение ее в международный торговый оборот оказали большое влияние на сельское хозяйство, социально-экономические отношения и быт населения. Основной товарной культурой в растениеводстве был хлопчатник. В развитии торговли большую роль играли города Кунград и Ходжейли. В эти города поступали товары из многих районов России и Казахстана. [7, л.142]

Российский торговый капитал проникал в самые отдаленные районы края, еще теснее связывая хлопководческими хозяйствами и местное скотоводческое хозяйство с рынками России, Средней Азии, Западной Европы. Основным направлением экономической политики царизма после завоевания Средней Азии Россией было превращение данного региона в сырьевую базу и рынок сбыта продукции текстильной и другой промышленности метрополии. В целях получения дешевого сырья для промышленности метрополии и создания дополнительного рынка сбыта ее продукции царское правительство

предприняло ряд мер в области земли и водопользования. В 1884 году 27 июля был утвержден устав «Среднеазиатского торгово-промышленного товарищества Н. Кудрина и Ко», которому было разрешено осуществлять устройство и содержание хлопковых плантаций, торговлю американскими семенами, инструментами и орудиями. Пайщиками товарищества были 53 крупных фирм и предприниматели. Товарищество в 1884 году начало работу с основным капиталом в 400.000 рублей, а к 1886 году уже довело этот капитал до 2 миллионов рублей и они имели конторы со складами в Ташкенте, Коканде, Бухаре, Чарджоу, Оренбурге, Хорезме, Петро - Александровске и в ряде городов Персии. [3, с.123] В конце XIX века хлопководство стало доходной отраслью хозяйства и играло ведущую роль в экономике Амударьинского отдела. В этот период ввиду почти полного прекращения ввоза иностранного хлопка спрос на туркестанский сырец еще более усилился. Он шел теперь не только на гражданские, но и на военные нужды. В Амударьинский отдел стали приезжать агенты русских торговых и промышленных фирм, открывались отделения и конторы этих фирм. В 70-80-х годах XIX века торговые операции в отделе осуществляли купцы и фабриканты Коншин, Морозовы, Барановы, Павловы и другие, которых привлекали здесь рынки сбыта мануфактуры и возможности района по производству хлопкового сырья. В Амударьинском отделе промышленными товарами из Центральной России перевозкой занимались купцы Салимжанова, Равилова, Бродского и Ширмана с армянской фирмой Андре - Каспиан, а также оренбургскими и другими купцами, приезжавшими за сырьем [8, л.79].

Большое прогрессивное значение для всего Хорезмского оазиса имела Амударьинская флотилия, которая дала оазису выход к железной дороге, связав с Центральной Россией. К концу 90-х годов XIX века в Амударьинском отделе насчитывалось 23 фабрично - заводских предприятий, с общим годовым производством товаров на 390 тыс. пудов. К 1907 году в отделе функционировали 135 маслобойных и 84 мукомольных предприятий. Большинство заводов и фабрик принадлежало агентам фирм Центральной России «Товарищества Большой Ярославской мануфактуры», «Московского торгово-промышленного товарищества», «Товарищества Шуйской мануфактуры». Их пайщиками были местные предприниматели П.Мануилов, Г.Равилов, С.Аминов, И.П.Першин, Б. Аллакулов, З.Рахманбергенов, Т.Салимжанов, И.Бакалиев и С.Алиев. Они вместе с отделением Русско-Азиатского банка в Ургенче вели торгово-промышленные операции в городах и сельских местностях [6, с.133]. В начале XX века значение люцерны, как товарной культурой, у каракалпаков была также люцерна. Если в Хивинском ханстве люцерна культивировалась исключительно для сена, то в Чимбайском участке в основном для семян. Семена каракалпакской люцерны считались одним из лучших не только в России, но и на международном рынке, их вывозили в Германию, Америку, Канаду, и Аргентину. Основными экспортерами этой культуры были Русско - Азиатский банк, фирмы «Бр.Крафт»,

«Дюршмидт», «Стукен и К» и др.[2, с. 234.] Не менее ценной культурой был тутовник, использовавшийся каракалпаками поначалу как строительный материал для изготовления отдельных частей юрты, а после завоевания царской России для развития шелководства. В Амударьинском отделе шелководством занимались 335 хозяйств. [9, л. 93] Скупщики имели при заводах складские пункты, в которых собирали очищенный сырец. Продукцию собирали в больших складах, владельцами которых были русские купцы. Кроме хлопка из Амударьинского отдела вывозились ежегодно 97100 пудов различных товаров: семян люцерны, продуктов шелководства, невыделенная кожа домашних животных, выделенные бараньи шкуры, сливочное масло, шерсть, каракуль и ковры.

Хлопок и кожа транспортировались в Москву и на Нижегородскую ярмарку, шерсть в города среднего Поволжья, семена люцерны в Гамбург и северную Америку, ковры в Турцию, сливочное масло в Баку, рыба в Оренбург. Амударьинский отдел, как и вся Средняя Азия, являлась не только сельскохозяйственной сырьевой базой, но и весьма доходным рынком сбыта промышленной продукции царской России. В Амударьинском отделе начали открываться торговые дома Хлудова, Первушина, Трубочнинова и других, успешно начавших конкурировать с местными торговцами. Активными участниками были крупные монополистические объединения, группы и фирмы торгово-промышленного товарищества «Большая Ярославская мануфактура», фирмы «Крафте», «Кнопы», «Братья Мануйловы», занимавшиеся скупкой хлопка. Ежегодно из Каракалпакии вывозилось около 3 тысячи пудов масла и других продукции. В торговле продуктами сельского хозяйства большую роль играли ввозимые и вывозимые товары, продукты сельского хозяйства: хлопок, люцерна, шерсть, кожа. Весь рыбный промысел Аральского моря находился в руках крупного оренбургского купца Макеева, и рыбная продукция отправлялся через Казалинск в центральные города России. В Каракалпакии организовано акционерное общество «Хива», объединивший астраханские и кавказские рыбопромышленников. На восточном берегу Арала образовалась не менее 30 рыболовных промыслов с тысячей ловцами. [4, с. 136] Материалом для изготовления лодки служили тонкие тополиные доски, для плавной сети использовались местный турково - кендиновая пряжа. Льняную пряжу для рыболовной сети выписывали с текстильной фабрики Москвы, ключные снасти с Нижегородской фабрики, кустовые лодки из Оренбурга [1, с. 285]. Из южных районов Амударьинского отдела в Кунград привозили разные товары, изготовленные мастерами ремесленных продукции из дерева юрты и молочные продукции и для продажи бараны и верблюды [5, с. 451].

Таким образом, изучение историко-культурного сотрудничества народов отличается тем, что быт и культура народов сегодня стали изучаться в комплексе и непрерывной связи. На данном этапе ученые стремятся подойти к изучению той или иной проблемы комплексно, то есть выяснит истоки, вскрыть

ценность, взаимосвязь быта, культуры и других сфер жизни.

Список литературы:

1. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю СПб. М. 1898, с.285.
2. Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства и хлопковой торговли промышленности. Ташкент, 1926. с.234.
3. История Каракалпакской АССР. Ташкент. «Фан» Уз ССР, 1986, с.123.
4. Лунин Б.В. К описанию народного промысла каракалпаков./Вестник ККФАН УзССР, Нукус, 1967, № 4, с.136.
5. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. М. 1962. с.451.
6. Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX- начале XX вв. Ташкент. 1965. с. 133.
7. ЦГА РУ ф.3.оп.1.д.7.л.142.
8. ЦГА РУ ф.3.оп.1.д.23.л.79.
9. ЦГА РУ ф.3.оп.1.д.87.л.93.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЛИЗМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ*Эзри Григорий Константинович*

лицо, прикрепленное для подготовки кандидатской диссертации по научной специальности – 09.00.03 История философии (философские науки), Дальневосточный федеральный университет, РФ, Приморский край, г. Владивосток
E-mail: grigoriyezri@mail.ru

INTRODUCTION OF THE PERSONALISM IN THE RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY
AND ANTHROPOLOGICAL TURN*Ezri Grigoriy*

*Aspirant of Department of philosophy and religion, Far East Federal University,
Russia, Primorsky Krai, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье русская религиозная философия репрезентируется как участница антропологического поворота в контексте становления персонализма в рамках русской религиозной философии. Показывается органическое единство антропологического поворота и становления персонализма в рамках русской религиозной философии. Кроме того репрезентируется существование трех позиций по проблеме философского статуса личности: во-первых, личность – это индивидуальная субстанция разумной природы (в духе Боэция), во-вторых, личность – результат диалога Я и Ты, но субстанциально все люди связаны, в-третьих, личность – результат экзистенциально-психологического диалога Я и Ты, но субстанции как таковой не существует.

ABSTRACT

Russian religious philosophy is represented as a participant in the anthropological turn in the context of the becoming of personalism within the framework of Russian religious philosophy in this article. The organic unity of the anthropological turn and the formation of personalism within the framework of Russian religious philosophy is shown. In addition, the existence of three positions on the problem of the philosophical status of the person is represented: first, the person is an individual substance of a rational nature (in the spirit of Boethius), secondly, the person is the result of the dialogue I and You, but substantively all people are connected, thirdly, person is the result of an existential-psychological dialogue between I and You, but there is no substance as such.

Ключевые слова: русская религиозная философия, личность, персонализм, антропологический поворот, онтология, антропология.

Keywords: Russian religious philosophy, person, personalism, anthropological turn, ontology, anthropology.

В XIX-XX вв. происходила постепенная смена парадигмы мышления в философии: исследователи стали уделять значительно большее внимание человеку и человеческой личности, что получило наименование «антропологический поворот». Как отметил д. ф. н. С.А. Смирнов, «философия человека, вместо науки и философии о человеке как о сущем, становится опытом мышления о том, что ориентирует человека в мире и с помощью чего происходит эта ориентация» [9, с. 26]. Русская религиозная философия

вместе с примыкающими к ней «неолейбницианством» и духовно-академическим теизмом оказалась частью данного процесса.

Цель настоящей статьи репрезентировать русскую религиозную философию как участницу антропологического поворота в контексте становления персонализма в ее рамках.

Немецкий философ М. Хайдеггер – один из исследователей антропологического поворота, его генезиса, становления, развития и особенностей. В

своей работе «Что такое метафизика?» немецкий философ М. Хайдеггер рассмотрел историко-философскую трансформацию метафизики, философии от познания бытия как природы (фюзис) до ее перехода в онтологию и антропологию. На страницах своей работы немецкий философ рассматривал вопрос перехода от абстрактного Я к Я психологическому. Такое, по его мнению, возможно, во-первых, через психологизацию субстанциального Я за счет изменения философского статуса рефлексии (рефлексия из онтологической стала психологической), во-вторых, через рассмотрение взаимоотношений Я и Ты, потому что Я утверждается как Я лишь в обращении к Ты [11, с. 230-256].

Отдельные черты сходства с позицией М. Хайдеггера в русской религиозной философии имеют воззрения Н.О. Лосского по поводу введения персонализма. Первый путь – исследование онтологической проблемы (бытия). Второй путь – через ценность бытия личности для себя и для другого, т.е. исследование взаимоотношения Я и Ты [6, с. 75]. Второй путь наиболее распространен в русской религиозной философии, а первый доминирует в рамках «неолейбницианства», зачинателем которого является Г. Тейхмюллер в Юрьевском университете, а также в рамках духовно-академического теизма.

Лосский и Тейхмюллер придерживались спиритуалистических взглядов, а бытие личности в онтологическом плане признавали индивидуально-субстанциальным, как и Боэций (личность – индивидуальная субстанция разумной природы [5]). С точки зрения спиритуализма бытие имеет иерархический характер, иерархичность проявляется в различной степени развития духа или разума [6, с. 73-77; 13, с. 217-336]. На высокой ступени развития индивидуальной субстанции, субстанция способна рефлексировать Я, а с Блаженного Августина (по В.С. Шилкарскому [13, с. 241-246]) или И. Канта (по М. Хайдеггеру [11, с. 244]) рефлексия стала психологической, а не онтологической, поэтому степень развития разума и его способности – категория психологическая.

Сложность введения в русской религиозной философии персонализма онтологическим путем объясняется наличием «всеединства», которое субстанциально связывает людей между собой соборным единством и с Богом, поэтому второй путь близок прот. С.Н. Булгакову, прот. П.А. Флоренскому, С.Л. Франку, Л.П. Карсавину. По мысли прот. В.В. Зеньковского имперсоналистические мотивы философии С.Л. Франка связаны с идеей всеединства [4, с. 438]. Соответственно, деперсонализирующая интенция характерна для всей русской философии «всеединства». Также С.Л. Франку принадлежит идея создания философской психологии на спиритуалистических началах [10], кроме того, интерес к вопросам психологии можно обнаружить, например, у представителей духовно-академического теизма [8, с. 20-22].

Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов, не связанные идеей «всеединства», будучи экзистенциалистами, исследовали не бытие, а существование, поэтому, хоть и уделяли значительное внимание онтологии, но свой основной интерес сосредоточили вокруг проблемы взаимоотношений Я и Ты. Элементы критики и рецепции философских взглядов психолога В. Штерна (ученика Тейхмюллера [1, с. 360]) можно обнаружить у Бердяева в работе «Я и мир объектов». Русский философ, в целом, соглашался с подходом немецкого психолога (признание личности целостным физико-психическим явлением, признание личности самоцелью), но не разделял с ним односторонне рациональную трактовку личности (личность умеет чувствовать и имеет иррациональные элементы, например, судьбу). Одиночество, по мнению русского философа, преодолевается в общении нескольких Я между собой, Я остается собой лишь в общении с Ты [3, с. 149-151]. Схожие психологические мотивы Бердяев находил у Шестова: «Для Льва Шестова человеческая трагедия, ужасы и страдания человеческой жизни, переживание безнадежности были источником философии» [2].

Другим русским религиозным философом был В.В. Розанов. Как отметила в своей диссертации к.ф.н. В.В. Лысенко, В.В. Розанов в своей философской системе синтезировал идеи философии всеединства, философской антропологии, христианско-персоналистической традиции, создав на их основе философию семьи. Розанов утверждает, что человек – личность уже сам по себе, семья же восполняет недостаток человека, вызванным существованием пола [7]. Аналогично такого взаимодействия Я и Ты можно обнаружить у Фейербаха, который исследовал Ты как объективацию Я. Это, конечно, не экзистенциальный диалог Я и Ты, а лишь демонстрация чувственного характера бытия индивида. Как отметил исследователь проф., д.ф.н. А.С. Чупров, «понимание фейербаховского «Ты» ... оказывается обозначением «еще одного человека», еще одного Я в его отношении к первому Я», Я и Ты Фейербаха в единстве могут дать жизнь еще одному Я [12, с. 242-243].

Таким образом, в русской религиозной философии антропологический поворот совпал с введением персонализма, в персонализме органически соединились онтология и психология: личность имеет основание в бытии и в диалоге Я и Ты (психологическом, экзистенциальном, семейном), т.е. в русской религиозной философии онтологически воспринятая личность была наполнена психологическим содержанием. Однако религиозно настроенные философы выдвинули три позиции по проблеме философского статуса личности: во-первых, личность – это индивидуальная субстанция разумной природы (в духе Боэция), во-вторых, личность – результат диалога Я и Ты, но субстанциально все люди связаны, в-третьих, личность – результат экзистенциально-психологического диалога Я и Ты, но субстанции как таковой не существует.

Список литературы:

1. Бердникова А.Ю. «Сознание Бога» («Gottesbewusstsein») в философии религии Густава Тейхмюллера. Вестник РУДН. Серия: Философия. Т. 22. №3. С. 353-364.
2. Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1998> (дата обращения: 18.11.2018).
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии и общения. Париж: YMCA-PRESS, 1934. 191 с.
4. Зеньковский В.В. Учение С.Л. Франка о человека // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 479 с.
5. Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/bogoslovskoe-ponyatie-chelovecheskoj-lichnosti> (дата обращения: 18.11.2018).
6. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-PRESS, 1931. 135 с.
7. Лысенко В.В. Философско-религиозное учение В.В. Розанова о браке и семье: автореф. дисс. ... канд. филос. н. Владивосток, 2009. 31 с.
8. Пишун С.В. Становление и развитие православной персонологии в России на протяжении XIX века: автореф. дисс. ... док. филос. н. М., 1996. 40 с.
9. Смирнов С.А. Антропологический поворот: его смыслы и уроки. Философия и культура. 2017. №2(110). С. 23-35.
10. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 479 с.
11. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проспект, 2013. 288 с.
12. Чупров А.С. Человек в философии Шопенгауэра и Фейербаха. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – 298 с.
13. Шилкарский В.С. Проблема сущего. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1917. 342 с.

Научный журнал

**UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

№ 11-12(51)
Декабрь 2018

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 66233 от 01.07.2016
Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54435 от 17.06.2013

Подписано в печать 28.12.18. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
125009, Москва, Георгиевский пер. 1, стр.1, оф. 5
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3